

Александр Левитов

Бесприютный

Александр Левитов

Бесприютный

«Public Domain»

1870

Левитов А. И.

Бесприютный / А. И. Левитов — «Public Domain», 1870

«Я сидел у ворот на лавочке в одной маленькой пришоссейной деревушке, весь отдавшись немому созерцанию шумных шоссейных проявлений. Все обстояло благополучно: в десяти домах, из которых состояла деревушка, я насчитал шесть кабаков, три белые харчевни, два постоянных двора и несколько мелочных лавочек...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Иванович Левитов

Бесприютный

I

Я сидел у ворот на лавочке в одной маленькой пришоссейной деревушке, весь отдавшись немому созерцанию шумных шоссежных проявлений.

Все обстояло благополучно: в десяти домах, из которых состояла деревушка, я насчитал шесть кабаков, три белые харчевни, два постоянных двора и несколько мелочных лавочек. Такой широкий коммерческий размах и притом в таком незначительном уголке давал бы самое отличное понятие о торговой предприимчивости туземцев, если бы вся деревенька в буквальном смысле не была залита мертвецки пьяными толпами, которые бесновались на улице на разные манеры.

Звуки гармоник и балалаек, лившиеся из широко распахнутых кабаков, горластые песни и унылые взвизги искалеченных шарманок – все это скорее располагало думать не о торговом пункте, в котором кипит энергическая и более или менее молчаливая работа, а как бы о каком-то сказочном острове беспрерывных веселостей и наслаждений...

Бравой походкой, нисколько не свойственной сивым бородам, ко мне подскочил вдруг какой-то старик, голова которого вся поросла седыми лохматыми космами. Театрально подперши руки в бока, он уставил в меня свои маленькие, суженные глазки и с азартом закричал:

– Подь сюда! подавай мне, майору, сию же минуту лепорт.

Тут старик топнул ногою, сморщил брови, повелительно надул губы – и в такой позе долго и пристально всматривался в меня, как будто заранее обсуждая содержание ожидаемого от меня лепорта.

– Ха, ха, ха! – разразился он наконец старческим хохотом, пополам с удушливым кашлем. – А ты думал, золотой, что это я на тебя вправду команду? А, ха, ха, ха! Нет, брат, я добрый.

Несмотря на разные развеселые шутки, которые проделывал старик, мне легко было поверить словам его рекомендации: красноватые и слезливые глаза его в действительности были очень добры и кротки.

Еще в первые дни моего знакомства с деревушкой, прежде всех ее шоссежных див, я уже заметил этого старика в истасканном сером чапане, молодецки накинута на одно плечо, и всегда без шапки. Случалось и так, что его выкрики залетали с шоссе в мою комнату и будили меня. Они даже предупреждали ранние звуки пастушьего рога. Одним еще только глазком солнце поглядывало на шоссежные безобразия, проделанные ночью, а уже мне слышно было, как старик то, как бы буйствуя, погаркивал на проезжавшие по улице народы, возводя их, более чем скромные, общественные положения в высокие ранги генерал-майоров, полковников и даже, как он говорил, фидьмаршалов, то своим обыкновенным ласковым тоном он приветствовал всю эту трудовую, закорузлую и потому страшно обозленную толпу грациозными эпитетами, вроде: золотенького, милашечки, голубочка, андельчика и т. д. до бесконечности.

Еще на желтом от ночной росы шоссе реяли какие-то серенькие игривые тени, обыкновенно летающие в предутренней молчаливой природе, еще из пьяных голов, беспомощно приютившихся в канавах, прохладная ночь не успела прогнать сумасбродных грез, а старик уже дежурил на шоссе и, по своему обыкновению пошумливал и погаркивал:

– Литенант! Ты што делаешь, бес? А?

– Пааш-шол-л тты!.. – уклончиво отвечало ему веселое утро угрюмым и пропившимся басом.

– Как пошел! Ты это, дьяволок, лошадей-то мутной водой поить вздумал? Ты рази не знаешь, как лошади на вашего брата за это серчают?.. А?..

– Па-аш-шол!..

– Осина горькая! Поди чаю напейся с похмелья-то али вина. Очнись! Я уж сам коней-то напою. Нечего кулачиной-то намахиваться. Сам тебя завсегда могу смазать, золотенький! Этак ли тебе сладко покажется от моего засвету!.. Хе, хе, хе!

– Па-аш-шол-л! – Вместе с пропившимся утренним голосом погромыхивали бубенцы чьих-то измученных и потому вздрагивавших лошадей.

Слышно было, как кто-то пересиливал кого-то, потом что-то тяжелое грузно бухалось в телегу, раздавался топот копыт, сопровождаемый звоном бубенцов, – и после всего этого на затихшем на минуту шоссе снова полетывал беззаботной птицей веселый крик старика:

– С бог-гом! Супруге! Деткам! Скажи им: дед, мол, вам по гостинчику обещал принести. Хе, хе, хе! Любят ребята гостинцы-то есть...

Как-то особенно приятно было просыпаться от этого веселого и шутивого голоса.

Встанешь, разбуженный им, выйдешь к воротам и видишь: стоит на шоссе какой-то отрепанный старикашка в самой обеспеченной позе, распевает он различные веселые песни, прерывая их по временам для того, чтобы предупредить путников насчет приятных случайностей, могущих встретиться с ними на шоссе-ном пути.

– Э-э-э! Проснись, проснись поскорее, удалец! А то на одной оглобле домой-то поедешь. Вишь, вон молодцы-то какие милые в канаве-то залегли. Это они твои бочоночки облюбовывают...

– Што? што? – торопливо спрашивает сонный проезжий.

– Ничего! Губернатор проехал сейчас, так приказывал тебе верхнюю губу колесом отдавить. Распустил ты ее очень по дороге-то. Эх! Не бережлив же ты, паренек, насчет губ, – шутил старик, между тем как милые молодцы, любовавшиеся на бочонки проезжего, подняли из канавы шершавые головы и принялись грозить старику:

– погоди, майор! погоди, старая шельма! попадешься ты к нам когда-нибудь в лапы. Мы тебя погладим...

– Ладно! – соглашается старик – и в ту же минуту всем его вниманием овладевает какая-нибудь другая жизнь, появившаяся на шоссе.

Мне давно хотелось затащить к себе этого старика – и вот он сидит со мной на приворотной лавочке, наивно рекомендует свою собственную доброту, дружески поталкивает в бок и, осмотревши меня своими как бы на что-то жаловавшимися глазами, вдруг осведомляется:

– А что, полковничек (как бы тебе о сем деле доложить?), нет ли у тебя пятак взаймы до завтрашнего утра? Верь, друг, отдам. Вот наносу завтра воды в трактир – и отдам. Я на этот счет справедлив. Ты, может, полагаешь, что я, выпивши, забуяню или за нехорошие слова примусь? Ни! Ни! Выпить я – выпью; но забидеть кого... Да сохрани меня царь небесный!

Говорил это старик убедительным тоном человека, который все свои силы направил к тому, чтобы и другие, как и он, выпивать бы себе выпивали, а буяннить или нехорошими словами ругаться – ни, ни! Сохрани бог!

– Ух! Забрусило как натошак-то! – блаженно покряхтывал старик, закусывая крендельком наскоро обделанную выпивку. – Как есть по-майорски хватил – цельную косушку. Хе! То есть так это приятно спросонья старичку божьему опохмелиться. Очень дюже согревает. Я только одним вином и держусь теперь. Ежели бы я им не занимался, давно бы уж и порешил. Так точно! Ты, брат-полковник, не сомневайся! Нечего на меня глазами-то вскидывать... Мне об этом лекарь один говорил. Он теперь, известно, сам с кругу спился – и, признаться, даже в запивойстве в своем приворовывать по-малости стал: но л-леч-чить... разное мое!.. Можно чести приписать! Имеет похвальные листы от именитых господ. Бумаги широкие – и все с разноцветными печатями: кое место из красного сургуча приляпана, кое из зеленого. Ну, теперича

ходит он по нашим палестинам и, к примеру, исцеляет... Так што же я тебе скажу, сударь ты мой? Сидим мы с ним однажды в кабаке, он мне и объявляет: ежели ты, говорит, Федор, не желаешь скончаться скоропостижно, так до самой смерти без перерыву и пей. И не увидишь, говорит, как умрешь. Словно как бы на тележке под гору скатишься... А перервешь, будет с тобою удар. У него таких случаев много бывало, – как же! Я, признаться, верю ему, потому ах какой добрый человек этот лекарь! Да по нашим сторонам и все ему верят и денег с него никто не берет ни за еду, ни за ночлег; а бабы ему так и рубашками жертвуют – старенькими. Нельзя, друг, не жертвовать. Слаб, слаб; а все же он человек есть. Так ли я говорю, господин фидьмаршал?

– Так! Так! – поспешил я согласиться с стариком, не желая прерывать ринувшегося на меня словесного потока, который лился из стариковских уст с тем поражающим обилием, с каким обыкновенно разговаривают люди, приученные своею придорожною жизнью непременно потолковать с первым встречным.

– Не такай, голубица! Не поддакивай! – остановил старик мое поспешное согласие с выраженным им мнением. – Сами знаем, что добродетель-то значит. У нас тут, вот я тебе расскажу, каков случай был: пленного турку ребята наши до смерти зашутили. От Севастополю он остался. Встретился кто, бывало, с ним на улице, сейчас его в бок. «Здравствуй, говорят, туретчина!» Известно, он одинокий – и опять же нехристь. Бывало, хватят-хватят по колпаку-то по ихнему; а он только что глаза уставит, ровно бы барашек бесноватый, а из глаз у него слезы-то, слезы-то... Ах, б-боже ты мой милосердый! Помирать стану, так вспомню, как эти грешные слезы точились... Три года мучился он таким-то манером, – ругаться было понашенскому привыкать стал, и все-то это в аккурате; ну, однако, слег – не стерпел... Вижу я, расплохие его делишки, прихожу: сейчас ему водки, горяченького пирожка такожде кое-откуда раздобыл. Гляжу: он пялит на меня глаза, словно бы и я его, как ребята наши, бить собираюсь, – руками на небо кажет и со слезами хрипит мне: Рус! Рус! Старык! Господы!.. Так вот ты и думай тут, господин полицмейстер, что значит добродетель-то свою объявить человеку: нехристь, а ежели ты с ней по-душевному обойдешься, так и ей небось господь-то бог батюшка за первое дело припомнится...

Но в этом разе я очень грешон! – сокрушенно исповедовался старик. – Потому как, – растягивал он свою речь, – повадился я к тому турку каждый день с винищем с эстим – поганим – шататься, – полагал дурак, что это ему в утешенье и в усладу пойдет – и так это он от меня к вину приучился... Так приучился, – страсть! Умирать когда стал, совсем напоследях уж бормочет: «Дай-ка, дай!..» – говорит. Даешь!.. Потому, как не дать больному человеку?.. Но, милый генерал, заместо того, я всегда желал его, штобы, то есть, к христианской вере... Не попущено!.. Все грехи наши!.. А? Как ты рассуждаешь? Ежели бы не грехи-то?.. А?..

Глубокое уныние, с которым старик делал последние вопросы, было нарушено приходом к нам содержателя того постоянного двора, в котором я приютился. Это был высокий, крепкий старик, в дутых, ярко вычищенных сапогах и с большою связкой ключей, висевшей у него на поясе. Он тоже уселся с нами на лавочку и, снисходительно улыбаясь, выслушивал, как Федор Василич рекомендовал мне его как самого лучшего губернатора.

– Нет, ты гляди, баринок, – с непоколебимой верой в состоятельность своих слов покривал Федор Василич. – Глянь: чем это не губернатор. Он всей деревне у нас комендант, Ах-х! И добр же только! Какой он мне – пьянице – завсегда приют дает: летом на сене, зимой на печи разлягусь, – беда!

Говоря это, старик любовно обнимал и целовал степенного содержателя постоянного двора, повертывал его предо мною во все стороны, показывая мне таким образом то его широкую ситцевую спину и высокие светлые задники сапог, то тоже ситцевую и широкую грудь и снисходящее до шутиливой улыбки, серьезное стариковское лицо – и подобные переверты про-

должались до тех пор, пока какая-нибудь новая сцена на улице не призывала майора на подмогу своей беспомощности.

– Майор! Друг! – кричал кто-то у окошка, колотясь головой об грядущки телеги, которую с увлекающей бойкостью несла по шоссе маленькая вятка, увешанная бубенцами малинового звону. – Приостанови, сердечный, дьяволенка-то! Купил себе нового черта; ни за што не стоит. Уж я ему и бубенцы-то новые понавешал (слышь, вон как позванивают, – разлили малина!), и розовых лент-то в гриву наплел, – бесится – и кончен бал!

– Хо, хо! – завопил майор не своим голосом, покидая тряску, которую он задавал содержанию постоялого двора, и бросаясь на середину шоссе, прямо наперерез взбудораженной хозяйскими ласками лошади. Схвативши ее за узду в то время, когда она бешено встала на дыбы от неожиданного препятствия, майор радостно вскрикивает:

– А-а, Гаврюша! Т-ты? Как супруга? Детки?

– Слава богу! – отзывается Гаврюша, барахтаясь в телеге. – Майор! Подними, милый человек...

– Вот чудачок-то у нас, сударь! – сказал мне содержатель постоялого двора про майора. – Стар, стар, а сколько он этого винища осиливает!.. К ночи иной раз только ополоумеет. А смолоду что было, ежели бы вас известить, так это истинно страсти господни!..

– Да что же он у вас такое? Кто? – полюбопытствовал я.

– Уж и не знаю, как вам доложить про него, милостивый государь мой! Теперь он, конечно, што вроде полоумного или блажного, но прежь того звонкий был человек.

– Звонкий?

– Так точно-с! Отличался Федор Васильев, может, на триста или на пятьсот верст по всей округе.

– Вот как?!

– Сущую правду докладываю. Человек был одно слово: ажже!..

– Как вы говорите, хозяин? Какой человек?

– Ажже, господин! Это он в старину сам себя прозвал на заграничный манер. Молод был, так перед девками хвастался, что он на всяких языках научился. А по-нашему ежели, по русскому, ха, ха, ха! по-простому, так это выйдет – человек на все руки, – и в рай, и в муки. Да вы его, ежели вам скучно у нас, порасспросите только, поразглядите, – чудород, я вам доложу-с, – ей-богу! Я, сударь, признаться, рос с ним – с этим самым майором, и как в те времена каменной дороги еще не бывало, то наши родители шли больше насчет щетины. Признаться, тогда сухопут был большой, – ну и обыкновенно родители наши хаживали тем сухопутом со щетиной в Москву, такожде с салом, с кожами, а бывало и иное: занимались, примером, насчет пера, пуху... Вот мы и растем. Растем и играем. Наши игры деревенские, известно какие, – что увидишь, в то и играешь: орлишка молодого в грядках увидишь, его представляешь. Притаишься так-то, съежишься весь в каком-нибудь уголку и для того чтобы у тебя, как у орленка, губы белые были, то возьмешь, примером, слюны этак языком наточишь, да в каму к соседу и бухнешь украдкой...

В редьку тоже, бывало, примемся, – продолжал хозяин. – Друг за друга ухватимся – орем: «Дергай!» Майор всегда всех повыдергивал – силен был!.. Переняли, сударь мой, и мы от родителей наших торговлю – и пошли по ней в тихости с господом богом. Только вдруг из Москвы к нам в деревню весть приходит (а в Москву Федора Васильева, как он был очень боек, мастерству учиться послали), – Федька, говорят, пропал! Известно, в деревне новостей мало, так мы годика два об Федоре поахали. Думали все: как так? Куда наша заноза девалась?..

И вот, барин, как теперь вижу: сидим мы однажды на вечеринке, болтаем с девками, только вдруг входит к нам мужчина и говорит: «Вот они мы-то!» Смеется. Мы сразу Федор Васильева признали и обрадовались ему. Спрашиваем: как? что? Где пропадал?

Пошел он тут пробирать нас стихами и прибаутками: был я, говорит (и все это скороговоркой отваливает!), в Италии, немного подалее, – был в Париже, немного поближе. Совсем было родимую сторону позабыть хотел, да припадчи на четвертое небо, опрос получал: а где, говорят, у тебя, детинка, пачпорт?.. Должен был по эфтим делам вертаться назад к батюшке с матушкой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.